

С. Аскольдов

**Основные проблемы теории
познания и онтологии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
С11

С11 **С. Аскольдов**
Основные проблемы теории познания и онтологии / С. Аскольдов – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 262 с.

ISBN 978-5-458-54413-9

ISBN 978-5-458-54413-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

знанія не вкралось незамѣтно какос-нибудь предвзятое положеніе. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что въ томъ, что Кантомъ понималось подъ познаніемъ, какъ разъ и былъ включенъ нѣкоторый догматическій элементъ, представляющій какъ бы зародышъ всѣхъ послѣдующихъ выводовъ критицизма. Элементъ этотъ видимъ мы въ пониманіи Кантомъ всеобщихъ и необходимыхъ синтетическихъ сужденій *раціонально абсолютными* въ этихъ своихъ свойствахъ. Кантъ именно потому и отвергъ рѣшеніе Юма, состоящее въ выводѣ изъ всеобщихъ сужденій изъ повторности опыта, что такое объясненіе совершенно не соотвѣтствовало абсолютному характеру такихъ областей знанія, какъ, напр., математика. Но, отвергая психологическую теорію Юма, Кантъ вовсе не далъ какого-либо неопровержимаго доказательства правильности своего пониманія познанія и его основныхъ функцій, чѣмъ то *абсолютно* и при томъ *раціонально* всеобщимъ и необходимымъ. Канту всегда можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что его отличіе внѣшней эмпирической всеобщности отъ абсолютной *) раціональной (признаваемой имъ по происхожденію внутренней) вполнѣ произвольно. Точно такимъ же произвольнымъ и несущественнымъ является его отличіе субъективной и объективной необходимости. Мы всегда въ правѣ понимать эти различія зависящими отъ большей или меньшей повторности и необходимости внѣшняго воздѣйствія, но вовсе не отъ привхожденія какого-то автономнаго закона разума, а между тѣмъ лишь это послѣднее пониманіе и можетъ служить основаніемъ теоріи апріоризма. Кантъ и не предполагалъ, что можетъ когда-либо зайти рѣчь объ опытномъ происхожденіи математическихъ истинъ, а потому и считалъ, что одного указанія на существованіе чистой математики достаточно для доказательства метэмпиричности или апріорности функцій познанія. При этомъ Кантъ не обратилъ вниманія на то, что абсолютная и объективная необходимость, съ которою мыслятся синтетическія сужденія математики и другихъ наукъ, не можетъ быть признана исключительно раціональной, но въ значительной мѣрѣ имѣетъ также *обще-психо-*

*) Кантъ называлъ эту всеобщность строгою („*Strenge Allgemeinheit*“), не допускающею никакого исключенія, что, по нашему, и *равносильно* абсолютности этого свойства.

логическое, вообще *алогическое* происхождение. Источникъ этихъ свойствъ можно видѣть, съ одной стороны, въ психологическомъ фактѣ привычки и возникающей изъ нея увѣренности въ постоянствѣ тѣхъ или иныхъ синтезовъ и съ другой—въ реальной (а не рациональной) необходимости взаимодействія нашего сознанія съ внѣшнимъ міромъ не-Я. Словомъ, то, что Кантъ признавалъ за выраженіе закона разума, съ такимъ же правомъ можно выводить изъ законовъ міропорядка *), а также воздѣйствія и отраженія его въ сознаніи познающаго субъекта. Если принять все это въ расчетъ, то окажется, что понятіе апріорности, являющееся у Канта, какъ *единственное и безспорное* объясненіе всеобщности и необходимости познанія, на самомъ дѣлѣ можетъ представляться далеко не обязательнымъ и единственнымъ, и что незыблемость математическихъ истинъ является вполне совмѣстимой съ психологической теоріей Юма.

Устанавливая понятіе апріорности, Кантъ думалъ, что только въ немъ и заключается выходъ изъ скептицизма Юма, который, сводя абсолютную рациональную достовѣрность на психологическую вѣроятность, тѣмъ самымъ подрывалъ, будто бы, возможность какого бы то ни было знанія. Но и въ этомъ пунктѣ съ Кантомъ только въ томъ случаѣ необходимо согласиться, если мы вмѣстѣ съ нимъ признаемъ, что знаніемъ можно называть лишь абсолютно неизмѣнные и нерасторжимые синтезы элементовъ. Но это далеко не безспорно. Можетъ быть, о такомъ знаніи намъ нечего и мечтать. И не потому, чтобы разумъ человѣческій былъ неспособенъ къ воспроизведенію какого-либо абсолютнаго содержанія, но потому, что самыя тѣ реальныя связи отдѣльныхъ вещей, которыя выражаются въ нашемъ познаніи, не имѣютъ въ себѣ ничего абсолютнаго и незыблемаго. Въ такомъ случаѣ это наше относительное въ своей всеобщности и необходимости знаніе вполне выражаетъ дѣйствительную природу вещей. *А отъ знанія мы только этого и должны требовать.* Такимъ образомъ, относительность познанія, приведшая Юма къ скептицизму, въ дѣйствительности можетъ лишь укрѣпить наше довѣріе къ нему, коль скоро мы при-

*) Вѣдь, пока не доказана апріорность разума, не доказана также и непознаваемость міра, а потому ссылка эмпиризма на міровой законъ, такъ или иначе отражающій свою всеобщность и необходимость въ сферѣ сознанія и познанія, не можетъ считаться устраненной.

демъ къ убѣжденію, что самая природа тѣхъ *отдѣльныхъ и конечныхъ* вещей, съ которыми мы взаимодействуемъ, тоже относительна. Абсолютно необходимыя связи всегда даны намъ только въ прошедшемъ, но мы никогда не можемъ утверждать, что неизмѣнная въ прошедшемъ связь между А и В должна быть столь же неизмѣнной и обязательной всегда. И если нашъ разумъ создаетъ такіе неизмѣнные синтезы и считаетъ ихъ непоколебимыми, то, можетъ быть, правильнѣе вмѣстѣ съ Юмомъ счесть это за нѣкоторый произвольный и по существу *алогическій* переходъ разума за предѣлы своихъ правъ, чѣмъ усматривать здѣсь какой-то автономный законъ разума, составляющій его неотъемлемую сущность и право,—какъ это сдѣлалъ Кантъ. Незыблемость математическихъ сужденій можетъ быть выведена при этомъ изъ необходимости нашихъ чувственныхъ воспріятій всякаго рода множественностей и пространственныхъ соотношеній,—необходимости, выражающей не какія-либо апіорныя формы созерцанія и разсудка, но лишь *законъ взаимодействія* нашего сознанія и внѣшняго ему міра. Поскольку мы признаемъ эти взаимодействующіе факторы неизмѣнными, лишь постолько можемъ мы признать абсолютность и неизмѣнность всякаго рода пространственныхъ созерцаній, а также производныхъ отъ нихъ пространствъ чистой математики.

Теорія апіорности выведена Кантомъ чисто раціональнымъ методомъ, т. - е. путемъ раціональнаго разсмотрѣнія факта познанія и при томъ той его формы, которая можетъ быть названа познаніемъ по преимуществу, а именно всеобщаго синтетическаго сужденія. Въ своей раціональной теоріи апіорности, свободной отъ какой бы то ни было психологической точки зрѣнія, Кантъ думалъ поставить проблему познанія на незыблемую почву и дать ей неоспоримое аподиктическое рѣшеніе. Но Кантъ не обратилъ вниманія на то, что само познаніе, какъ фактъ, можетъ быть понято различно, при чемъ различіе это должно стоять въ зависимости отъ той или иной психологической точки зрѣнія на вопросъ. Такимъ образомъ, исключая психологическую точку зрѣнія въ выведеніи апіорности, Кантъ незамѣтно для самого себя сталъ на нее въ самой постановкѣ своего вопроса, а именно въ своемъ пониманіи синтетической функціи познанія *внутренне-абсолютною*. При этомъ Кантомъ была избрана точка зрѣнія, прямо противополож-

ная теоріи Юма, по которой тотъ же фактъ познанія понимался относительнымъ и обусловленнымъ извнѣ. Послѣ этого Канту, конечно, не трудно было опровергнуть рѣшеніе Юма. Это опроверженіе *implicite* заключалось уже въ томъ, что Кантъ понималъ подъ словами «знаніе» и «познаніе»

Признавая необходимымъ прежде рѣшенія проблемы познанія вывести самое понятіе познанія, мы въ нашемъ изслѣдованіи посвятили этому предмету двѣ первыя главы, при чемъ ограничились въ нихъ исключительно психологической точкой зрѣнія на вопросъ. Въ этихъ главахъ мы постарались провести различіе и взаимоотношеніе между познаніемъ и всѣмъ остальнымъ содержаніемъ души, обозначаемымъ нами общимъ терминомъ «*сознаніе*». Различіе это, обнаруживающееся какъ въ непосредственномъ внутреннемъ опытѣ, такъ и въ наблюденіи другихъ намъ подобныхъ существъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что сознаніе является по отношенію къ познанію нѣкоторою первоначальною простою данностью, обусловленною въ своемъ качествѣ, а также порядкѣ смѣны и сосуществованія чѣмъ-то вѣшнимъ. Познаніе же, по своему содержанію и развитію, представляется намъ въ томъ же внутреннемъ опытѣ нѣкоторою производною и опредѣляющеюся сознаніемъ функциею. Въ этой функціи подмѣчается и схематизируется та существующая въ сознаніи закономерность и общность, которая, хотя въ немъ и осуществляется, но имъ самимъ не можетъ быть подмѣчена и какъ-либо фиксирована.

Это различіе сознанія и познанія, являющееся результатомъ простого психологическаго анализа всего содержанія нашего Я, кажется намъ лишеннымъ всяческихъ догматическихъ предположеній и представляющимъ тотъ первоначальный фактический матеріалъ, изъ котораго должна исходить теорія познанія. Конечно, эта психологическая точка зрѣнія не рѣшаетъ вопроса о познаніи во всей его гносеологической общности. Кромѣ того, то свойство, которымъ съ психологической точки зрѣнія сознаніе противопоставляется познанію,—а именно обусловленность извнѣ,—остается пока необъяснимымъ и, пожалуй, даже проблематичнымъ. Но все-таки, если мы не хотимъ попасть въ безвыходный кругъ иллюзионизма и солипсизма, мы должны

пока принять это свойство, какъ единственный и первоначальный, данный во внутреннемъ опытѣ, раздѣлительный принципъ, дающій поводъ къ образованію понятій Я и не-Я,—понятій, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакая гносеологія и безъ которыхъ (конечно, въ иныхъ терминахъ) не обходился и самъ критическій Кантъ. Первые онтологическіе выводы покажутъ намъ совершенно независимымъ и самостоятельнымъ путемъ, что этотъ принципъ не представляетъ какой-либо психологической иллюзіи, но подтверждается также раціональнымъ построениемъ понятія о вѣнѣшнемъ мірѣ.

Въ нашемъ изслѣдованіи психологической сущности познанія зависимость его отъ опредѣляющагося извне сознанія противопоставляется кантовской теоріи апріоризма. Мы, конечно, не считаемъ эту нашу психологическую точку зрѣнія исчерпывающею весь вопросъ и противопоставляемъ теорію эволюціи познанія кантовскому апріоризму не столько въ качествѣ опроверженія, сколько какъ достаточное объясненіе факта познанія, дѣлающее понятіе апріорности совершенно излишнимъ. Проблемѣ апріорности въ общегносеологическомъ смыслѣ посвящена нами вся третья глава, гдѣ мы и доказываемъ несостоятельность этого понятія, исходя уже изъ другихъ соображеній не психологическаго характера.

ГЛАВА I.

Сознаніе и познаніе.

Сознаніе есть переживаніе живыми существами различныхъ состояній, обозначаемыхъ словами: тепло, холодно, вижу, слышу, больно, грустно, люблю, гнѣваюсь и т. под., а также переживаніе смѣны и связности этихъ состояній. Все, что мы способны ощущать, и чувствовать, составляетъ содержаніе нашего человѣческаго сознанія. Отъ простого и первоначальнаго переживанія тѣхъ или иныхъ качественныхъ состояній и ихъ перемѣнъ мы отличаемъ вторичную ихъ репродукцію въ актахъ представленія и мысли, составляющихъ уже содержаніе познавательной дѣятельности. Въ актахъ этихъ пережитыя раньше, какъ извнѣ навязанныя и пассивно воспринятыя, состоянія сознанія репродуцируются уже въ видоизмѣненной формѣ и съ тою или иною степенью произвольности. Репродуктивность, или производность, является характернѣйшей чертой познанія. Всякаго рода новыя, еще не пережитыя концепціи представленія и мысли воспроизводятся нами лишь на почвѣ множества повторныхъ переживаній. Эти переживанія образуютъ тѣ общія познавательныя схемы, которыя въ примѣненіи къ разнообразному качественному содержанію могутъ давать безконечное количество новыхъ, еще никогда не воспроизведенныхъ, комбинацій. Познаніе отличается, кромѣ того, отъ сознанія меньшею яркостью и большею сложностью своего содержанія. Состоянія сознанія обыкновенно ярки и элементарны, а если и переживаются въ видѣ разнокачественной множественности (напр. разнообразныя цвѣтоты качества, воспринимаемыя нашимъ зрѣніемъ), то безъ всякаго слѣда какого-нибудь сопоставленія или соотнесенія репродуктивнаго характера, но лишь какъ нѣкоторая первоначальная, пассивно воспринятая, связность.

Такимъ образомъ подъ сознаніемъ мы будемъ разумѣть только переживаніе различныхъ качественныхъ данныхъ безъ всякаго активнаго соотнесенія и сопоставленія ихъ другъ съ другомъ въ представленіи и мысли. То, что сознается, представляетъ всегда нѣкоторое качество, имѣющее въполнѣ самостоятельное значеніе и не нуждающееся въ одновременной на-

личности каких-либо других качеств, чтобы быть сознанным. Въ противоположность сознанию, познание состоитъ въ активномъ соотносѣніи и сопоставленіи элементовъ, сознанія другъ съ другомъ. Въ познаніи ни одинъ изъ элементовъ, входящихъ въ составъ познавательнаго акта, не имѣетъ самостоятельнаго значенія и получаетъ свой познавательный смыслъ только въ связи съ другими элементами, лишенный же такой связи является уже не познаниемъ, а простымъ элементомъ сознанія.

Въ сущность познанія, кромѣ всего качественного матеріала сознанія, входитъ еще вѣчто такое, что въ сознаніи дано лишь отрывочно и частично, а именно связи и соотношенія между разнородными качественными данными. Установленіе этихъ связей и соотношеній становится въ большинствѣ случаевъ даже главной задачей познанія, при чемъ качественная природа соотносящихся элементовъ совсѣмъ упускается изъ виду и обозначается только символически, краткими значками, посредствомъ которыхъ устраняется необходимость реального переживанія всѣхъ этихъ качественныхъ данныхъ, имѣющихъ въ высшихъ познавательныхъ формахъ лишь второстепенное значеніе.

У существъ съ развитою познавательною дѣятельностью сознаніе и познание идутъ рука объ руку, при чемъ каждый актъ сознанія является стимуломъ для болѣе или менѣе отчетливаго и интенсивнаго познавательнаго процесса и, наоборотъ, продукты познавательной дѣятельности обусловливаютъ появленіе множества простыхъ состояній сознанія, могущихъ появиться только на почвѣ, подготовленной познаниемъ. Такъ, напр., чувство возвышеннаго недоступно тупому человѣку, неспособному къ воспроизведенію тѣхъ идей, которыя вызываютъ это чувство. У нормально развитыхъ людей мышленіе*) прекращается развѣ только во снѣ или обморокѣ, и каждое, появившееся въ ихъ сознаніи, состояніе становится всегда элементомъ какой-нибудь познавательной концепціи. Вообще по отношенію къ взрослымъ людямъ раздѣленія сознанія отъ познанія можно провести только въ теоріи, въ дѣйствительности же они связаны другъ съ другомъ неразрывно и незамѣтно другъ въ друга переходить. Говоря о сознаніи у взрослыхъ людей, мы будемъ поэтому имѣть въ виду все то ярко и жизненно переживаемое, что составляетъ содержание нашихъ ощущеній, чувствъ и отчасти настроеній и что, хотя

*) Термины «мышленіе» и «познаніе» мы будемъ употреблять почти синонимически съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ, что подъ терминомъ «познаніе» будемъ имѣть въ виду болѣе или менѣе законченныя процессы, относящіяся къ определенному объекту и его съ какой-либо стороны характеризующіе, словомъ же «мышленіе» мы будемъ обозначать вообще всѣ познавательныя процессы, рассматривая ихъ съ точки зрѣнія ихъ динамической природы независимо отъ того, имѣютъ ли они какую-нибудь законченность и сопровождаются ли отчетливой объективизаціей (напр., у дѣтей).

и можетъ тотчасъ по возникновеніи въ сознаніи сдѣлаться элементомъ познавательныхъ процессовъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ по своей природѣ вполне независимую отъ какого бы то ни было познавательнаго акта качественную сущность. Если грусть и возникаетъ на почвѣ какихъ-либо представленій и идей, то, разъ появившись въ нашемъ сознаніи, она является новымъ реальнымъ его элементомъ, совершенно независимымъ отъ того, поведетъ ли она насъ къ какой-нибудь дальнѣйшей рефлексіи или нѣтъ. Подъ чистымъ сознаніемъ мы будемъ разумѣть тѣ состоянія сознанія, которыя возникаютъ и исчезаютъ помимо какого бы то ни было прикосновенія къ нимъ творческихъ познавательныхъ актовъ, что имѣетъ мѣсто только на низшихъ ступеняхъ развитія сознательной жизни, а у высшихъ животныхъ и у людей только въ первое время появленія ихъ на свѣтъ.

Познаніе относится всегда къ чему-нибудь по отношенію къ нему внѣшнему, при чемъ имѣетъ своею задачею вполне или отчасти воспроизвести и передать это внѣшнее. Всякая мысль предполагаетъ возможнымъ вопросъ: о чемъ? И это „что“, къ которому мысль относится, всегда есть нѣчто отличное и отдѣльное отъ этой данной мысли и только ею воспроизводимое. Это свойство познанія всеобщее, и мы его можемъ отнестись даже тамъ, гдѣ объектъ познанія наиболее приближается къ самому процессу познанія, напр., въ математикѣ или въ логикѣ. Въ объектахъ этихъ наукахъ имѣется въ виду найти и выразить законотѣрные отношенія между элементами и процессами самого мышленія, но при этомъ самые эти элементы и соотношенія понимаются чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ тѣмъ актамъ, въ которыхъ они познаются. Общая задача познанія—проникнуть и воспроизвести сущность какихъ-нибудь по отношенію къ нему внѣшнихъ объектовъ—распадается на три частныя задачи, а именно, во-1-хъ, на познаніе объекта со стороны качественности его содержанія, во-2-хъ, на познаніе тѣхъ соотношеній и связей, которыя существуютъ между качественно различными элементами объекта и, въ 3-хъ, на приведеніе въ связь полученнаго познанія о данномъ объектѣ со всѣми другими познаніями, которыми мы обладаемъ. Въ каждой наукѣ, а также въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, имѣется въ виду по преимуществу та или другая изъ указанныхъ цѣлей познанія. Полное познаніе достигается лишь разрѣшеніемъ всѣхъ этихъ трехъ задачъ. Недостаточно воспроизвести объектъ лишь въ его собственномъ содержаніи, такъ какъ всякая новая связь, въ которую мы приводимъ что-либо нами познанное, придаетъ нѣкоторый новый познавательный смыслъ изучаемому объекту; и если есть хоть что-либо вполне изолированное и хотя бы посредственно съ нимъ не соотнесенное, то это только значитъ, что наше знаніе о немъ не полно и не совершенно.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи стоитъ къ этимъ задачамъ познанія чистое сознаніе, то увидимъ, что оно всецѣло обусловливаетъ какъ возможность, такъ и способъ ихъ разрѣшенія, хотя, съ другой стороны, само по себѣ является совершенно безсильнымъ дать на нихъ какой-нибудь отвѣтъ. Никакое качественное данное не можетъ быть намъ дано иначе, какъ черезъ сознаніе. Все, что мы высказываемъ о предметахъ такъ называемаго матеріальнаго міра, можетъ быть представлено нами лишь при помощи какихъ-нибудь нашихъ ощущеній, когда-либо нами сознанныхъ. Точно такъ же все, что мы можемъ считать за свойства одушевленныхъ существъ, состоитъ по своей качественной природѣ ни изъ чего другого, какъ изъ тѣхъ или иныхъ комбинацій испытанныхъ нами самими душевныхъ состояній. То же самое мы должны сказать относительно установленныхъ нашимъ мышленіемъ связей и соотношеній между различными качественными данными. Всѣ онѣ основаны и ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ реальныхъ связей и соотношеній, которыя существуютъ между переживаемыми нами совершенно пассивно, безъ всякаго участія мысли, простыми состояніями сознанія. Правда, эти связи и соотношенія сознаются нами въ чистомъ сознаніи лишь въ видѣ переходовъ отъ одного элемента къ другому или одновременности ихъ сосуществованія, но тѣмъ не менѣе именно онѣ обусловливаютъ то, а не иное, распредѣленіе и соотношеніе отдѣльныхъ элементовъ сначала въ воспоминаніи, а затѣмъ въ возникающихъ по поводу этихъ воспоминаній процессахъ мышленія. Пониманіе горячаго состоянія тѣла причиной его расплавленія, конечно, не похоже на переживаніе въ извѣстной послѣдовательности сначала ощущенія горячаго, а затѣмъ зрительнаго образа жидкаго и текучаго вещества, но оно могло возникнуть и появиться въ нашемъ умѣ только на почвѣ пережитыхъ въ томъ, а не иномъ, порядкѣ ощущеній и представленій горячаго и жидкаго. При достиженіи послѣдней своей цѣли—связать въ единую цѣльную систему всѣ частныя и отдѣльныя познанія—разумъ хотя и является наиболѣе отдѣленнымъ отъ чистаго сознанія многочисленными ступенями отвлеченія и обобщенія, тѣмъ не менѣе его зависимость отъ данныхъ сознанія въ сущности отъ этого нисколько не уменьшается. Связь между отдѣльными понятіями, научными отдѣлами и цѣлыми науками не можетъ быть нами установлена произвольно и удовлетворять лишь однимъ формальнымъ законамъ мысли, а должна имѣть нѣкоторое достаточное основаніе въ реальномъ *) пере-

*) Терминами «реальность» или «дѣйствительность» мы будемъ обозначать всякаго рода бытіе данное само въ себѣ и черезъ себя, въ противоположность воспроизведенію его въ представленіи или мысли. Такимъ бытіемъ мы должны признать прежде всего наше сознаніе.